

ДАСТАН «ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН» ФИЗУЛИ И АБДУЛГАЛИМА ИБРАГИМОВА (ДЖЕНГУТАЙСКОГО) КАК ОБРАЗЕЦ АДАПТИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВОСТОЧНОЙ КЛАССИКИ НА КУМЫКСКИЙ ЯЗЫК

**DASTAN "LEYLI AND MAJNUN" BY
FIZULI AND ABDULGALIM IBRAGIMOV
(DZHENGUTAI) AS A MODEL OF ADAPTED
TRANSLATION OF WORKS OF EASTERN
CLASSICS INTO THE KUMYK LANGUAGE**

**A. Sultanmuradov
Z. Abutalimova**

Summary: This article analyzes the dastan "Leyli and Majnun" by the renowned Kumyk poet Abdulgalim Ibragimov (Dzhengutay), a prominent figure in the enlightenment movement in Dagestan during the early 20th century. His work is based on the lyrical-epic poem of the outstanding representative of 16th-century Azerbaijani literature, Muhammad Fuzuli. The paper emphasizes certain characteristic ideological and aesthetic features of the Kumyk version of the work, such as the principles of realistic literature—social and historical conditioning of the main character; the presence of dastan characteristics (the alternation of prose and poetry); resonance with the pressing issues of its time, leading to profound reflections on the most urgent questions of life; the inclusion of the author's «intervention», integrating his voice into the characters' discussions and the overall narrative; and a commitment to a deep exploration of the psychology of the characters.

Keywords: dastan, adapted translation, Muslim East, Kumyk, enlightenment, literature, work, hero, image.

Султанмурадов Агарағим Магомедович
кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский федеральный исследовательский
центр Российской академии наук
ansaraga@mail.ru

Абуталимова Зиярат Бийсолтановна
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Дагестанский государственный университет»

Аннотация: В статье анализируется дастан «Лейли и Меджнун» известного кумыкского поэта, одного из активных деятелей просветительского движения Дагестана начала XX века Абдулгалима Ибрагимова (Дженгутайского), который создал свое произведение на основе лиро-эпической поэмы выдающегося представителя азербайджанской литературы XVI века Мухаммеда Физули. Сделан акцент на некоторые характерные идеино-эстетические признаки кумыкской версии произведения, такие, как наличие принципов реалистической литературы – социальной и исторической обусловленности характера главного героя; наличие признаков дастанного произведения (членение прозы и поэзии); звучность проблемам своей эпохи, направленность к глубоким раздумьям о самых злободневных вопросах жизни; наличие авторского «вмешательства», включение своего голоса в рассуждения героев и в общий ход повествования; стремление к глубокому раскрытию психологии персонажей.

Ключевые слова: дастан, адаптированный перевод, мусульманский Восток, кумыкский, просветительство, литература, произведение, герой, образ.

Тюркоязычные народы Северного Кавказа, в том числе и кумыки, издревле были приобщены к словесной культуре мусульманского Востока, среди них имело широкое распространение выдающиеся памятники восточной классики. В самом начале XX века, в связи с зарождением книгоиздательского дела в Дагестане, этот процесс переходит на качественно новый уровень. У истоков национального книгопечатания Дагестана стоял известный кумыкский ученый, писатель, просветитель Абусуфьян Акаев. По существу, он был идеологом публикаций книг на родных языках. Будучи учащимся медресе в аварском селении Согратль, еще в молодые годы, он познакомился с Магомед-Мирзой Мавраевым из Чоха (другого аварского селения), обучавшемся вместе с ним. Заметив в нем человека предпримчивого, А. Акаев сагитировал его заняться книгоиздательской деятельностью. Поездка в Бахчисарай,

приобретение типографского станка при помощи известного просветителя, общественного деятеля Исмаилбека Гаспринского послужили началом успешной деятельности этого тандема в области издания печатной продукции на языках народов Дагестана.

Благодаря именно подвижническим усилиям М.-М. Мавраева (создателя типографии) и А. Акаева (идейного вдохновителя), активизируется осуществление переводов произведений восточной классики на кумыкский язык, с последующим их изданием. Так, сам Абусуфьян Акаев переводит дастаны «Юсуф и Зулейха», «Тахир и Зухра», Абдулгалим Ибрагимов (Дженгутайский) – «Лейли и Меджнун», Шихаммат-кади Байболатов (из Эрпели) – легенды и рассказы о религиозных войнах арабских халифов, Нухайбатырмурзаев – рассказы о Синдбаде-мореходе из «Тысячи и одной ночи» и др.

Издание «Лейли и Меджнуна» Абдулгалима Ибрагимова (Дженгутайского) на кумыкском языке было осуществлено в 1915 году в городе Темир-Хан-Шуре в типографии вышеупомянутого М.-М. Мавраева. Абдулгалим является одним из деятелей просветительского движения Дагестана начала XX века. Помимо «Лейли и Меджнуна» он издал в той же типографии несколько книг, предназначенные для мектебов: «Облегченная азбука для мектебов» («Мактап учун тынч алипплер») в трех изданиях (1913, 1914, 1915 гг.), «Уроки по шариату» («Шариат дарслары» – 1915 г.), «История пророков» («Пайхамбарларны таварихи» – 1913/4 г.). Абдулгалимом также был осуществлен перевод известного на мусульманском Востоке дастана «Асли и Керем», но он так и остался неизданным. Отметим, что представители духовенства автора кумыкской версии «Лейли и Меджнуна» нарекли «Абдулгалимом без религии» («динсиз Абдулгалим»). А. Ибрагимов (Дженгутайский) прожил недолго после издания главного своего произведения. Страдая от неизлечимой болезни, он закончил жизнь самоубийством.

По мнению кумыкских исследователей С.М.-С. Алиева, З.Н. Акавова и других, А. Ибрагимов (Дженгутайский) свою версию «Лейли и Меджнуна» создал на основе произведения выдающегося представителя азербайджанской литературы Физули (Мухаммеда ибн Сулеймана; в другой транскрипции – Мехмеда бин Сулеймана или Магомеда Сулейманоглы Физули – 1495-1556 гг.).

Общеизвестно, что Физули преимущественно был поэтом лирического плана. Всего им написано 16 произведений на азербайджанском, персидском и арабском языках. Поэт прекрасно разбирался в тюркской, османской и чагатайской литературной традициях. Из этих 16 произведений два являются переводными, остальные – авторскими. В поэтическом наследии Физули подавляющее большинство произведений составляют газели. В своих газелях автор сумел отразить недовольство, переживания и чаяния широких слоев народа, претерпевших разорение, гнет, нищету, голод в результате междоусобных войн и борьбы между турецкими и персидскими феодалами за гегемонию на Ближнем Востоке. Он страстно негодовал против непрерывных грабительских опустошающих войн, проклиная их виновников – шахов и султанов. Наиболее ярко это отражено в газели «Да прогорит путь торжества господства».

В своих художественных произведениях Физули резко бичевал религиозное духовенство. Все несчастья своей эпохи поэт усматривал в дрязгах и авантюрах лицемерного духовенства. Он квалифицировал муридбазов и кази как поработителей, угнетателей народа, как паразитов, грабивших народ. В произведении «Книга жалоб» («Шикаятнаме») поэт дал критику существующего строя, вскрывая и разоблачая его пороки, грабеж, взяточничество, подхалимство и разбазаривание народа-

ных средств, весь государственный механизм – начиная мелким вилайетским чиновничеством, кончая высшей придворной аристократией.

«Опиум и вино» («Бенгвебаде») и «Спор плодов» («Собхатуль-асмар») стали первыми эпическими составляющими творчества Физули. В первом («Опиум и вино») автор предостерегает здоровых, которые в поисках убежища от зла и неприятностей могли бы обратиться к опиуму. Всем строем своей жизнелюбивой поэзии поэт отстаивает право человека, на счастье, в этом мире. В таком ключе следует воспринимать и аллегорию «Сагинаме», где о человеческих пороках ведут разговор музыкальные инструменты. Аллегорический ряд образов и сравнений, представленный в том числе и в таких его произведениях, как «Гуляя и отшельник» («Ринду Захид») и «Здоровье и болезнь» («Саххат ве мераз»), как бы вписываются в пути развития мировой литературы.

По мнению большинства исследователей, вершинным явлением творчества Физули является лирико-эпическая поэма «Лейли и Меджнун» (1536–37 гг.). Продолжая и обновляя традиции своих предшественников, особенно классика персидской поэзии Низами Гянджеви, первого написавшего в 1188 году поэму на основе древней арабской легенды, он сумел создать оригинальную поэму, тесно связанную с азербайджанским устно-поэтическим творчеством. Однако, в отличие от Низами, Физули вставил в свое творение лирические стихотворения (22 газели, 2 морабба, и 2 монаджата), которые, с одной стороны, гармонично вписываются в художественную ткань произведения, а с другой стороны, не утрачивают своей самостоятельности.

Кумыкский «Лейли и Меджнун» А. Ибрагимова (Дженгутайского) отличается от азербайджанского варианта Физули некоторыми характерными идейно-эстетическими признаками:

1. Наличие принципов реалистической литературы – социальной и исторической обусловленности характера главного героя (Меджнун)

Как уже отмечалось нами выше, в начале XX века наблюдается небывалая активность в деле осуществления переводов классических произведений литературы мусульманского Востока на кумыкский язык. Следует отметить, что в северокавказской литературоведческой науке имеют место самые различные интерпретации литературно-художественной ситуации, связанной с процессом нового воспроизведения указанных произведений. Так, исследователь балкарской литературы З.Х. Толгурев, видит в этом процессе «ренессансную» концепцию в системе просветительства «мусульманской реформации» [5: 56–96]. Исследователь же кумыкской ли-

тературы С.М.-С. Алиев склонен рассматривать данный процесс «вне поэтики просветительского реализма» [2: 85–92]. «При чтении повести «Лайла и Мажнун» («Лейли и Меджнун» – А.С.) Абдулгалима Джэнгутайского, – пишет С.М.-С. Алиев, – на первый план выступает как раз та самая «духовность», те самые качества, которые вырабатывались реалистической литературой. Писатель в основу своего произведения берет принцип самоорганизующегося, саморазвивающегося характера» [2: 87]. По справедливому замечанию исследователя З.Н. Акавова, «концептуальное разночтение учеными литературных явлений одного идеально-художественного порядка прежде всего свидетельствует о многослойности, синкретической многогранности самого художественного метода искусства слова, искусства образостроения, что является достаточно убедительным подтверждением образования новой эстетической системы как некоего конгломерата, союза различных литературных направлений и течений – реализма, джадидизма, просветительства и т.д.» [1: 169–170]. Всем своим содержанием «Лейли Меджнун» А. Ибрагимова (Джэнгутайского) отвергает морализаторство, свойственное просветительской литературе, выдвигает иные принципы подхода к вопросу о личности, показывает невозможность решить общественные проблемы исключительно поучениями и назиданиями, утверждает, что каждый человек живет по собственным законам, по законам его внутреннего мира.

2. Наличие признаков дастанного произведения (членование прозы и поэзии)

Повествовательная, событийная часть кумыкского варианта «Лейли и Меджнун» дается в прозе, а диалоги героев, передача их внутреннего мира – в стихотворной форме. Кумыкский текст насквозь пронизан стихами, многие из которых могут быть рассмотрены как оригинальные произведения его автора. Причем в стихотворной части текста А. Ибрагимовым (Джэнгутайским) одинаково успешно используются семисложный и одиннадцатисложный размеры. Обратимся к одному из наиболее ярких стихотворных примеров кумыкского текста, эпизоду, когда Кайс (Меджнун) вместе со своим отцом оказывается у мусульманской святыни – Каабы, куда он явился по совету близких, дабы получить излечение от тяжелейшего недуга – неземного любовного страдания. Герой произведения обращается ко Всевышнему с мольбой, но отнюдь не для того, чтобы Тот излечил его, а, наоборот, чтобы подверг еще большим страданиям и испытаниям.

Благодарен судьбе своей я, Разимен шу гъалымы,
Не хочу уважения и почета. Сюйменабур-сыны.
Не смогу оставить это дело, Бушниболманкъоюп,
От того что я сын князя. Уланымандепбийни.
ОГосподь, сожги меня Я Рабби, гюйдюр мени
Огнем любви. И сделай так, Сююню оту булан,

Чтобы с каждым днем я исхудал Гюн сайын аздыр мени
Горем, что от Лейли. Лайланы дерти булан.
Пусть настигнут разные беды Тюрлю балагълар гелсин
Каждую часть тела моего, Чархымны гъар санына,
Так чтобы ветер мог унести Ел учуруп элтедей
Клюбимой моей! Жан досумну янына!

3. Созвучность проблемам своей эпохи, направленность к глубоким раздумьям о самых злободневных вопросах жизни

А. Ибрагимов (Джэнгутайский) дает известному и распространенному сюжету о двух влюбленных неожиданную трактовку. Как справедливо отмечает исследователь С.М.-С. Алиев, «он (А. Ибрагимов (Джэнгутайский) – А.С.) вдохнул в него современную жизненную философию, сделал созвучным проблемам своей эпохи, законам развития родной литературы, и весь ход традиционного повествования направил по новому руслу – к глубоким раздумьям о самых злободневных вопросах жизни: о духовной свободе, о старом поколении, о счастье молодых – словом, учит читателей осмысливать вопросы жизни в свете реальной действительности» [2: 92]. В произведении достаточно много явных и скрытых мостиков к нравам своей эпохи, и делается это вполне сознательно, без нарушения художественной ткани сюжета о любви. Это особенно отчетливо видно в образно-поэтической структуре произведения. Здесь читатель обнаруживает две явно противопоставленные друг другу силы: с одной стороны – старый, угасающий мир, а с другой стороны – новый, рождающийся мир.

4. Наличие авторского «вмешательства», включение своего голоса в рассуждения героев и в общий ход повествования

Очень часто, повествуя о скитаниях своего героя – Меджнуне, кумыкский писатель как бы включает свой голос и в рассуждения персонажей, и в общий ход повествования. При этом ход сюжетного развития произведения никак не нарушается. В такого рода авторских рассуждениях легко угадываются мысли о нравах эпохи описываемых событий. Так, например, в начале своего произведения А. Ибрагимов (Джэнгутайский), рассуждая людях, сеющих раздор, отмечает: «В мире немало нечестивых, жестоких людей, которые мучают человека, злорадствуют, вбивая клин между двумя любящими. Такие подлые люди при каждом удобном случае стремятся сеять раздор, разлад. Несколько таких людей пришли к отцу Лейли и начали выдавать себя за правдолюбов» («Гишини инжитип, эки сюйгенни бир-бириндөн айырып къуванагъан къылыкъызыз, зулмучу адамлар да дюньяда аз тюголдюр. Олай нас адамлар бир онгай тапгъандокъ, питне-пасатлыкъ салма чалышалар. Шолай адамлардан бир нечелери Лайланы атасына гелип, гертичилер болуп гөрүндюлөр» [3: 57]). Или же обратимся к месту, где речь

идет об учителе Кайса: «Учителем сына князя (Кайса – А.С.) был известный в тех краях самый великий ученый. <...> Воспринимал уроки учителя всей душой (буквально – «с ушами души»), однажды усвоенное он не забывал повторять неоднократно. И учитель, заметив старания и способности Кайса, уделял ему особое внимание, старался больше заниматься с ним» («Бийни уланын охутагъан молласы о арада инг уллу алим эди. <...> Молласы береген дарсны жан къулагъы булан тынглай, бир англагъанын яхши кюйде такрар эте эди. Муну бурай дарсгъа иштагълы болгъаны тамаша эди ва гъакъыллы болуп, бир билген дарсны тез-тез уйренегенин гёрген молласы Кайсны башгъя яшлардан айры тута, ону охутмагъа артыкъ къаст эте эди» [3: 54]). В данном эпизоде нетрудно увидеть самого Абдулгалима – составителя одной из первых кумыкских азбук (вышеупомянутой «Облегченной азбуки для мектебов»), учителя-просветителя, ратовавшего за обучение детей по новой методике светским наукам (усулу-джадид).

5. Стремление к глубокому раскрытию психологии персонажей.

Сохранив традиционный восточный сюжет, кумык-

ский автор стремился как можно глубже раскрыть психологию человека, прибегая при этом к авторскому «вмешательству», художественному подтексту, умелому, мастерскому использованию иносказания. «Все произведение как бы соткано из психологической прозы, философской поэтической поэмы и лирических излияний героев», – утверждает С.М.-С. Алиев. А. Ибрагимов (Дженгутайский) постарался как можно глубже раскрыть внутренний мир героя, его психологию. Именно по этой причине кажется, что кумыкский писатель свел почти на нет идеи суфизма и пантеизма восточной классической литературы. «Лейли и Меджнун» А. Ибрагимова (Дженгутайского) отличается жизненностью, правдой чувства и правдой действительности.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что рассмотренные характерные идеино-эстетические признаки «Лейли и Меджнун» А. Ибрагимова (Дженгутайского) наглядно демонстрируют объективное соотношение данного произведения с духовными запросами своей эпохи – начала XX века, свидетельствуют о явлении, которое стало возможным в кумыкской литературе в новый, не просветительский этап ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акавов З.Н. Диалог времен. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1996.
2. Алиев С.М.-С. Дорога в современность. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1977.
3. Ибрагимов (Дженгутайский) А. Лейли и Меджнун // Литературный Дагестан. Махачкала, 1988. №№ 1–3. На кумык.яз.
4. Кумыкские писатели IX–XXI вв. Справочник. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2014.
5. Толгурев З.Х. Движение балкарской поэзии. Проблемы развития балкарской литературы (20–50-е годы). Нальчик, 1984.

© Султанмурадов Агарагим Магомедович (ansaraga@mail.ru), Абуталимова Зиярат Бийсолтановна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»